

УДК 1 (045) (470+571)

***КРИТИКА ПАРАДИГМ МАРКСИЗМА КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЭВОЛЮЦИИ Н.А. БЕРДЯЕВА***

Акименко Г. В.

*кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры психиатрии,
медицинской психологии и наркологии*

*ФГБОУ ВО Кемеровский государственный медицинский университет
Минздрава России Россия, г. Кемерово*

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть ранний период творческой деятельности Н.А. Бердяева. В своей первой публикации, посвященной немецкому неокантианцу Ф.А. Ланге, Николай Бердяев выступил как критический марксист, пытавшийся синтезировать марксистскую доктрину с трансцендентальной философией Канта и неокантианцев. Философом была сформулирована теория мессианства пролетариата, выдвинут принцип телеологизма и прогресса во всемирной истории. Н. Бердяев пытался гносеологически укрепить философскую теорию марксизма, сохраняя его социологическое учение. На базе критической философии он постепенно эволюционировал в сторону идеализма. Период критического марксизма стал для Бердяева важным этапом самостоятельного философского творчества, в котором он впервые конституировал свое философское мировоззрение.

Ключевые слова: Николай Бердяев, марксизм, социализм, К.Маркс, Ф. Ницше, Ф.М. Достоевский.

***CRITICISM OF THE PARADIGMS OF MARXISM AS AN INTELLECTUAL
EVOLUTION N.A. BERDYAEVA***

Akimenko G.V.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Psychiatry, medical psychology and narcology*

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Russia, Kemerovo*

Annotation. The article attempts to consider the early period of N.A. Berdyaev. In his first publication dedicated to the German neo-Kantian F.A. Lange, Nikolai Berdyaev acted as a critical Marxist who tried to synthesize Marxist doctrine with the transcendental philosophy of Kant and neo-Kantians. The philosopher formulated the theory of the messianism of the proletariat, put forward the principle of teleologism and progress in world history. N. Berdyaev tried to gnoseologically strengthen the philosophical theory of Marxism, preserving his sociological doctrine. On the basis of critical philosophy, he gradually evolved towards idealism. The period of critical Marxism became for Berdyaev an important stage in independent philosophical creativity, in which he first constituted his philosophical worldview.

Key words: Nikolay Berdyaev, Marxism, socialism, K. Marx, F. Nietzsche, F.M. Dostoevsky.

Русская революция 1905-1907 гг. произвела переворот в настроениях интеллигенции. Это было, прежде всего, разочарование в революции как таковой и в революционных идеях, в частности.

Наиболее значимые идеи Николая Бердяева о революционном марксизме были сформулированы в единственной статье «Социализм и религия» (1906), написанной после революционных событий 1905 года в России.

В своих других работах Бердяев определял социализм как неизбежный и приемлемый результат «всего буржуазного развития», оправданный расширением Декларацией прав человека и гражданина [2]. Однако это заключение относилось только к религиозно «нейтральному» социализму, решающему проблему хлеба насущного, не претендуя на замену религии [4].

Такой тип социализма, представленный в работах Прудона, британскими фабианцами и либеральным социализмом Бернштейна, был противопоставлен русским мыслителем другому типу социализма - социализму как религии, описанному в работах ортодоксальных революционных марксистов.

Этот «религиозный социализм» был, по мнению философа, «законченной догмой, решением вопроса о смысле жизни, цели истории» [1]. Он был направлен на строгий идеологический контроль над всеми сферами человеческой деятельности и тем самым подавлял свободу совести, не оставляя места для спонтанно сформированных личностных идентичностей. Другими словами, это был идеократический социализм, стремящийся к земному спасению и, следовательно, категорически враждебный идее небесного спасения. Следуя Ф.М. Достоевскому, Бердяев определил данное стремление как страсть к обожествлению человека, жажду «устроить этот мир не только отдельно от Бога, но и против него» [3].

Развивая эти взгляды, Бердяев остановился на трех аспектах марксистской философии: во-первых, на элементе грубой теодицеи, оправдании исторического зла, включая средства для реализации конечной цели; во-вторых, хладнокровная жестокость его теории прогресса, требующая полной жертвенности настоящим ради «идеального» будущего, рассматривающая ныне живущих людей как простое средство для будущего процветания своей страны; наконец, «бедность и убогость его позитивных перспектив» [1] сводится к достижению всеобщего достатка и тем самым подчиняет все стороны жизни «хлебу насущному». Остановимся на этих трех моментах наиболее значимых, на наш взгляд, моментах:

Первые два аспекта, тесно взаимосвязанные друг с другом, действительно были значимыми чертами марксизма. Нет сомнений в том, что К. Маркс рассматривал прогресс преобразования как длительный и жестокий исторический процесс, в котором не только отдельные лица, но и целые поколения и классы должны были быть принесены в жертву ради

беспрепятственного развития рода человеческого в коммунистическом обществе в будущем. Сам Маркс решительно поддерживал «исторический закон», согласно которому развитие способностей представителей человечества происходит за счет большинства индивидуумов социума.

Таким образом, более высокое развитие индивидуальности может быть достигнуто только в ходе исторического процесса, в рамках которого конкретный человек может быть принесен в жертву интересам общества [6, С. 118].

Очевидно, что эта концепция прогресса предоставила удобный способ оправдать прошлое зло как необходимые, неизбежные шаги в историческом развитии; Достаточно вспомнить крайнее презрение К.Маркса к «сентиментализму», его апологию прогрессивной роли рабства (включая американское рабство XIX века) или его категоричное утверждение необходимой и в конечном итоге прогрессивной функции жестокости в период первоначального накопления капитала.

Маркс был убежден, что исторический прогресс в прошлом не имел ничего общего с гуманизмом и напоминал скорее «того ужасного паганского идола, который пил нектар не из черепов убитых» [6, С. 118]. И очевидно, что он приписывал злым страстям роль главных двигателей прогресса не только в прошлом, но и в ближайшем будущем - в конце концов, он поставил победу социализма в зависимость от усиления и мобилизации классовой ненависти.

Используя терминологию Ф. Ницше, мы можем сказать, что «любовь к далекому» (Fernstenliebe) - то есть любовь воображаемого коммунистического человечества - сделала К. Маркса равнодушным к судьбам конкретных людей. Поэтому Николай Бердяев был прав, обвиняя марксизм в оправдании жестокости, и в том, что его идеологи рассматривали человека лишь как средство для достижения счастливого будущего [3].

Рефлексия Н.А. Бердяева к этому аспекту марксизма усилилась благодаря его осознанию сугубо русской традиции критики идолопоклонства перед прогрессом.

В этом на его взгляды повлиял Н.К. Михайловский, мыслитель, отвергавший марксистское представление об исторической неизбежности и ссылавшийся в этой связи на отказ В. Белинского от «рациональной необходимости» в гегельянстве. Он процитировал восстание Ивана Карамазова против историософской теодицеи - его отказ «..принять будущую гармонию, если она куплена страданиями невинных». Его (Бердяев) ссылка на «дурную бесконечность прогресса» как ведущую к рабству во времени цикла рождения и смерти напоминает одну из идеологем Николая Федорова, который рассматривал прогресс как аморальную идею, включающую игнорирование потребностей прошлых поколений для счастья будущих.

Но самым важным фактором, повлиявшим на отношение Бердяева к марксизму, было его пристальное наблюдение за большевиками. Их воинственность, идеологический фундаментализм и непоколебимая преданность конечной цели резко контрастировали с прогрессом ревизионизма и быстрой деэсхатологизацией марксизма в немецкой социал-демократии. Следовательно, русский большевизм предлагал гораздо лучшие перспективы для понимания и реализации идей марксизма как ужасно жестокой (по выражению Бердяева) «религии прогресса» [7]. Заслуга Бердяева, на наш взгляд, заключается в осознании и предсказании того, что победа революционного марксизма в России приведет к тоталитарному рабству [8].

Данный подход Н. Бердяева предполагает четкое различие между марксизмом как наукой и марксизмом как светской религией коммунизма. И если мы принимаем это действительное различие, то должны признать, что развитие немецкой социал-демократии после смерти Ф. Энгельса заключалось в постепенном, но неуклонном отказе от марксистского коммунизма, в то время как русский большевизм оставался ему фанатично верным. При этом отказ от

марксистского коммунизма не следует рассматривать как его особенную парадигму развития, как его законного правопреемника. Следовательно, можно с полным основанием сказать, что марксистский коммунизм, то есть марксизм как «религия», был предан немецкими социал-демократами, а это сделало партию Ульянова-Ленина более последовательной представительницей первоначального марксизма, чем партию Карла Каутского [5].

Во взглядах Н. Бердяева на конечную цель марксизма есть определенное противоречие. С одной стороны, он видел в марксизме возможность новой «религии сверхчеловечества», то есть «стремление к новому земному Богу, который появится в конце прогресса и во имя которого все человечество превращается в средство, о нем мечтают, не ведая истины, земные мечтатели» [10].

С другой стороны, он считал марксистскую религию поверхностной, нерадикальной по своему содержанию, подчиняющей все мелкобуржуазному идеалу всеобщей материальной безопасности - идеалу, реализация которого превратит людей в «миллионы счастливых младенцев». Первое заключение было навеяно представлением Ф. Ницше о сверхчеловеке, а также анализом Ф. Достоевским высокомерия омашистского атеизма. Второе продолжало видение проблемы, содержащееся в «Наследии Великого инквизитора» Достоевского.

По мнению Николая Бердяева, эти два диагноза были взаимосвязаны, потому что прометеевский идеал обожествления человека был в конечном итоге саморазрушающим и неизбежно привел бы к полному вырождению человечества. Тем не менее, совершенно независимо от нашего взгляда на ценность и логическую последовательность этой интерпретации, ему следовало бы более четко определить основной смысл марксистской религии [7]. Было ли это стремлением к возрожденному богоподобному человечеству или просто желанием все подчинить прозаическому вопросу о хлебе насущном?

Открытие и публикация работ молодого Маркса, особенно его экономических и философских рукописей 1844 года, сделало очевидным, что

основные заботы мыслителя не могут быть сведены к вопросу о «хлебе насущном». В отличие от «системы Великого инквизитора» Ф.Достоевского, коммунизм Маркса был о свободе, а не о хлебе. Думалось, что свобода, задуманная как сознательное господство над коллективной судьбой, могла положить конец отчуждению и, таким образом, привести к огромному увеличению производительных возможностей человечества. А это, в свою очередь, рассматривалось как поистине неслыханный, невообразимый праздник всеобщего освобождения.

Коммунизм, задуманный таким образом, должен был быть не чем иным, как «разгадыванием загадки истории», истинным решением «борьбы между существованием и сущностью, между объективизацией и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между особью и видом» [6, С. 89]. Это должно было создать новую расу людей, превосходящую нынешнее поколение не только духовно, но и физически. Молодой Маркс смело провозгласил идею «полного освобождения всех человеческих чувств и качеств»: глаза и уши отчужденных людей будущего будут полностью отличаться от грубых, бесчеловечных глаз и ушей людей дегуманизованного народа современности» [6, С. 92].

Таким образом, очевидно, что анализ ранних работ Маркса подтверждает вывод Николая Бердяева о марксизме, как «религии сверхчеловечества». «Люди будущего» Маркса должны были быть суперменами, а не «счастливыми младенцами». Это ясно осознавали искушенные представители воинственного крыла русского марксизма. Ярким свидетельством этого является видение Л.Д. Троцким коммунистического человека - полностью преобразованного, способного изменять и контролировать не только социальную, но и биологическую жизнь вида. Он писал, что при коммунизме «человек станет неизмеримо сильнее, мудрее и тоньше; его тело станет более гармоничным, его движения более ритмичными, его голос более музыкальным. Средний человеческий тип поднимется до высот Аристотеля, Гете или Маркса [9]

Библиографический список:

1. Абрамов, Ю.Ф. Проблема интеллигенции в России IX-XX века. Очерки историко-социального и философского исследования / Абрамов Ю.Ф., Акименко Г.В., Логунова Г.В. - Иркутский государственный университет (Иркутск), 1994. - 125 с.
2. Бердяев, Н.А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). - Париж, 1946. -260 с.
3. Бердяев, Н.А. Смысл истории.- Берлин: Обелиск, 1923.- 268 с.
4. Бердяев, Н.А. «Основная идея Вл. Соловьёва» // Типы религиозной мысли в России. [Собрание сочинений. Т. III] Париж: YMCA-Press, 1989. - 714 с.
5. Ленин В.И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма). [Электронный ресурс].- – URL.: <https://bibl.rpw-mos.ru/karl-marks-kratkij-biograficheskij-ocherk-s-izlozheniem-marksizma/> (дата доступа 1.05.2021).
6. Маркс, к. Капитал.- Т.2. - М., 1969.- 544 с.
7. Martin Wight. Systems of states.- Leicester University Press [for] the London School of Economics and Political Science, 1977. - С. 232.
8. Marx K. *Selected Writings* / ed. D. McLellan. Oxford, Oxford University Press, 1985.
9. Trotsky L. *Literature and Revolution*. Ann Arbor, MI, The University of Michigan Press, 1966.
10. Russian Idea // Material from Wikipedia-the free encyclopedia. [Электронный ресурс].- URL: https://www.wikiwand.com/en/Russian_Idea.

Оригинальность 85%